

Маска — эпизод 2 из 2

Потому, как старшина и главное лицо, то вот выведи этих артистов под ручки. Мамзелям моим не ндравится, ежели здесь есть кто посторонний... Они стесняются, а я за свои деньги желаю, чтобы они были в натуральном виде. Очевидно, этот самодур не понимает, что он не в хлеву! крикнул Жестяков. Позвать сюда Евстрата Спиридоныча!

Евстрат Спиридоныч! понеслось по клубу. Где Евстрат Спиридоныч?

Евстрат Спиридоныч, старик в полицейском мундире, не замедлил явиться. Прошу вас выйти отсюда! прохрипел он, выпучивая свои страшные глаза и шевеля нафабранными усами.

А ведь испугал! проговорил мужчина и захохотал от удовольствия. Ей-ей, испугал! Бывают же такие страсти, побей меня бог! Усы, как у кота, глаза вытаращил... Хе-хе-хе!

Прошу не рассуждать! крикнул изо всей силы Евстрат Спиридоныч и задрожал. Выйди вон! Я прикажу тебя вывести!

В читальне поднялся невообразимый шум. Евстрат Спиридоныч, красный как рак, кричал, стуча ногами. Жестяков кричал. Белебухин кричал. Кричали все интеллигенты, но голоса всех их покрывал низкий, густой, придушенный бас мужчины в маске. Танцы, благодаря всеобщей сумятице, прекратились, и публика повалила из залы к читальне.

Евстрат Спиридоныч для внушительности позвал всех полицейских, бывших в клубе, и сел писать протокол.

Пиши, пиши, говорила маска, тыча пальцем ему под перо. Теперь что же со мной, с бедным, будет? Бедная моя головушка! За что же губите вы меня, сиротинушку? Ха-ха! Ну что ж? Готов протокол? Все расписавшись? Ну, теперь глядите!.. Раз... два... три!!..

Мужчина поднялся, вытянулся во весь рост и сорвал с себя маску. Открыв свое пьяное лицо и поглядев на всех, любясь произведенным эффектом, он упал в кресло и радостно захохотал. А впечатление, действительно, произвел он необыкновенное. Все интеллигенты растерянно переглянулись и побледнели, некоторые почесали затылки. Евстрат Спиридоныч крикнул, как человек, сделавший нечаянно большую глупость.

В буяне все узнали местного миллионера, фабриканта, потомственного почетного гражданина Пятигорова, известного своими скандалами, благотворительностью и, как не раз говорилось в местном вестнике, любовью к просвещению.

Что ж, уйдете или нет? спросил Пятигоров после минутного молчания.

Интеллигенты молча, не говоря ни слова, вышли на цыпочках из читальни, и Пятигоров запер за ними двери.

Ты же ведь знал, что это Пятигоров! хрипел через минуту Евстрат Спиридоныч вполголоса, тряся за плечо лакея, вносившего в читальню вино. Отчего ты молчал?

Не велели сказывать-с!

Не велели сказывать... Как засажу я тебя, анафему, на месяц, так тогда будешь знать не велели сказывать. Вон!!.. А вы-то хороши, господа, обратился он к интеллигентам. Бунт подняли! Не могли выйти из читальни на десять минуток! Вот теперь и расхлебывайте кашу. Эх, господа, господа... Не люблю, ей-богу!

Интеллигенты заходили по клубу унылые, потерянные, виноватые, шепчась и точно предчувствуя что-то недоброе... Жены и дочери их, узнав, что Пятигоров обижен и сердится, притихли и стали расходиться по домам. Танцы прекратились.

В два часа из читальни вышел Пятигоров; он был пьян и пошатывался. Войдя в залу, он сел около оркестра и задремал под музыку, потом печально склонил голову и захрапел.

Не играйте! замахали старшины музыкантам. Тсс!.. Егор Нилыч спит...

Не прикажете ли вас домой проводить, Егор Нилыч? спросил Белебухин, нагнувшись к уху миллионера.

Пятигоров сделал губами так, точно хотел сдунуть со щеки муху.

Не прикажете ли вас домой проводить, повторил Белебухин, или сказать, чтоб экипажик подали?

А? Ково? Ты... чево тебе?

Проводить домой-с... Баиньки пора...

До-домой желаю... Прроводи!

Белебухин просиял от удовольствия и начал поднимать Пятигорова. К нему подскочили другие интеллигенты и, приятно улыбаясь, подняли потомственного почетного гражданина и осторожно повели к экипажу.

Ведь этак одурачить целую компанию может только артист, талант, весело говорил Жестяков, подсаживая его. Я буквально поражен, Егор Нилыч! До сих пор хохочу... Ха-ха... А мы-то кипятимся, хлопочем! Ха-ха! Верите? и в театрах никогда так не смеялся... Бездна комизма! Всю жизнь буду помнить этот незапамятный вечер!

Проводив Пятигорова, интеллигенты повеселели и успокоились.

Мне руку подал на прощанье, проговорил Жестяков, очень довольный. Значит, ничего, не сердится...

Дай-то бог! вздохнул Евстрат Спиридоныч. Негодяй, подлый человек, но ведь

благодетель!.. Нельзя!..

парадный бал (франц. bal par).